

Из Целинограда отец переезжает в Новосибирск, где 22–24 ноября встречается с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном. За эти годы они прониклись взаимным расположением друг к другу, я бы даже сказал, подружились, если слово «дружба» применимо к взаимоотношениям политиков. Прошлой осенью отец ездил в Хельсинки поздравить Кекконена с шестидесятилетием, расхваливал ему красоты Сибири, рассказывал какое «дивное диво» творит академик Лаврентьев в Академгородке, приглашал приехать, увидеть все своими глазами.

Однако осенью 1961 года Кекконен меньше всего думал о сибирских пейзажах, приближались выборы, президентские и парламентские, а уверенности в победе у него не было.

Его партия, Аграрный Союз, пришла к власти в конце войны. В 1946 году Юхо Паасикиви, до этого премьер-министра Финляндии, избрали президентом республики на первые шесть лет, а затем переизбрали на второй срок. В 1956 году Паасикиви умер, и, согласно Конституции, президентство перешло к его ближайшему соратнику, премьер-министру Кекконену.

К 1961 году Аграрный Союз, находившийся уже полтора десятка лет у власти, избирателям изрядно поднадоел, а противостоявшие аграриям социал-демократы во главе с Вяйне Таннером набирали очки. Их победа прорисовывалась все реальнее, тем более что сам Таннер, подмочивший репутацию во время войны, благоразумно не светился, от его партии в президенты баллотировался член ее исполкома и формальный председатель Рафаэль Паасио.

Ни Таннер, ни таннеровец во главе соседней Финляндии Советский Союз решительно не устраивал. Тут и горькие воспоминания о «зимней» войне 1940 года, и просто политическая целесообразность. В то время в активную стадию вступило вооружение Западной Германии, и немцы, обратив свои взоры на Балтийское море, намеревались организовать под своей эгидой объединенное командование на Балтике с участием Дании, а в перспективе, если получится, и Норвегии с Финляндией. Советский Союз, естественно, всеми силами противодействовал разворачиванию натовского зонтика над Балтикой. Кекко-

нен стойко стоял за дружбу с СССР. А вот как поведет себя Паасио и стоящий за его спиной Таннер? Отец решил подыграть Кекконену.

30 октября 1961 года МИД СССР направил Министерству иностранных дел Финляндии жесткую ноту. В ней не только выражалось опасение за безопасность СССР, но и говорилось, что Советское правительство считает своевременным начать «подготовку к отражению возможного нападения германских милитаристов со стороны Балтийского моря через территорию и воздушное пространство Финляндии».

В заключение финнам предлагалось, точнее предписывалось, «провести военные консультации, как это предусмотрено Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1948 года», что означало ни больше ни меньше, как ввод на территорию Финляндии советских войск для совместного противостояния агрессору.

Нота взорвалась бомбой, в 1961 году финны еще хорошо помнили, что произошло в 1940 году, и пуще огня боялись повторения чего-либо подобного. Кекконен срочно запросил Москву о возможности личной встречи с Хрущевым. История умалчивает, предупредил ли его отец о своем замысле, но, будучи искушенным политиком, Кекконен (так же, как и Таннер) и без того все отлично понимал.

Отец выдержал паузу, а затем пригласил президента Финляндии, но не в Москву, а в Новосибирск, где он находился в тот момент. 23 ноября вместе с Кекконеном прилетел министр иностранных дел Карьялайнен, тоже старый приятель отца. Советский МИД представлял заместитель министра А. А. Соболев. Все прошло как по писаному. Во второй половине дня отец ожидал Кекконена в резиденции, специально подготовленной к этому случаю. Там они провели то, что дипломаты называют консультациями, а затем вместе отобедали. Стороны «поняли» друг друга и разрешили «кризис» еще до десерта.

Как сообщили в прессе, президент Финляндии признал, что «аргументы о возможности войны в Европе основательны, но проведение консультации в соответствии с договором 1948 года может вызвать нежелательное беспокойство и военный психоз во всей Скандинавии». В заключение Кекконен предложил, «чтобы СССР не настаивал на военных консультациях и тем самым успокоил общественное мнение». В свою очередь, Хрущев, отдав должное политическому опыту Кекконена, подчеркнул, что он «верит в его добрую волю и способность поддерживать и укреплять нынешнюю внешнеполитическую линию Паасикиви – Кекконена, направленную на соблюдение Финляндией нейтралитета» и потому «считает возможным отложить военные консультации».

На следующий день, 24 ноября, на официальном завтраке в честь президента Финляндии отец окончательно расставил все точки над «и». Заверив присутствовавших, что «мы не вмешиваемся и не хотим вмешиваться во внутренние дела Финляндии», он тут же без обиняков обозначил наши предпочтения: «Внешнюю политику определяют люди, стоящие у власти, и для нас безразлично, кто стоит у власти. Правые группы, таннеровцы, поведут дело к подрыву нейтралитета, к подрыву линии Паасикиви – Кекконена. Это вызывает у нас озабоченность...

...Мы рады, что в Вашем лице, господин президент, мы находим государственного деятеля, который искренне разделяет наше стремление к дружбе».

Кекконен ответил соответствующими моменту словами, и на этом официальная часть визита завершилась.

В Новосибирске они провели вместе целый день: съездили на Обь, осмотрели гидроэлектростанцию, посетили в Академгородок, сходили в театр. Затем отец распрощался с гостем и занялся делами сельского хозяйства. 25 ноября открывалось совещание аграриев Сибири.

28 ноября он уже на Братской ГЭС обсуждает с энергетиками планы дальнейшего освоения сибирских рек.

29 ноября 1961 года отец в Красноярске выслушивает доклады о подготовке к весне, выступает сам. Из Красноярска он в тот день возвращается в Москву.

Политическую поддержку, оказанную Кекконену в Новосибирске, подкрепили материально. Еще 25 октября 1961 года в Москве подписали протокол об экономическом сотрудничестве на 1962 год, который предусматривал «поставку в СССР из Финляндии: судов различного назначения, машин для производства целлюлозы и бумаги, самой целлюлозы, бумаги, а также картона, мебели, кабеля и знаменитого финского сыра «Виола». Обе стороны выразили понимание, что договор реально заработает только в случае продолжения «линии Паасикиви – Кекконена».

Чтобы давление на Финляндию не выглядело откровенно предвыборным, 12 декабря 1961 года советский МИД высказал озабоченность активностью западных немцев на Балтике планами создания объединенного военного командования в районе Балтийского моря в ноте Датскому правительству.

Справедливости ради отмечу, что возня НАТО вокруг Балтики и на самом деле очень беспокоила отца, он делал все, чтобы свести усилия Запада, особенно западных немцев, к минимуму.

Что же касается выборов в Финляндии, то грех было не воспользоваться... Финны поняли адресованный им сигнал правильно. В выборах 4–5 февраля 1962 года участвовали 81,3 процента избирателей, и большинство проголосовало за Кекконена. В Финляндии, как и в США, президентские выборы двухступенчатые, сначала выбирают выборщиков, а уж выборщики, согласно высказанным избирателями предпочтениям, голосуют за президента. 15 февраля 1962 года Кекконен получил 199 голосов выборщиков из трехсот, а социал-демократ, «таннеровец» Паасио оказался на третьем месте, с 37 голосами. Такой вот урок дипломатии.